

Инцидент с Донг Ином был замят под ковер, и не всем было обязательно знать его. К счастью, Донг Ин пришел в себя и вернулся в институт, хотя вскоре после этого его перевели в другое учреждение. Это тоже было тем, чего не было необходимости знать остальным, до такой степени, что даже некоторые сотрудники института держались в неведении относительно точной причины такого поспешного перевода. Они даже не могли набраться смелости спросить у начальства, учитывая, насколько серьезно и скрытно они себя вели.

Ки Вун оказался одним из немногих, кто был “в курсе”, так как он был вовлечен с самого начала. Он нашел Донг Ина и даже принял участие в процессе перевода, чтобы отправить младшего мальчика в другое место. На самом деле он был единственным резидентом, знавшим в точности ход всего этого дела.

За день до отъезда Донг Ина Ки Вун отправился на его поиски. Донг Ин упаковывал свои вещи в полном молчании, хотя единственными вещами, которые у него были, были несколько учебников и одежда.

- Ты в этом уверен? -спросил Ки Вун, но ответа не последовало.

С тех пор как Донг Ин очнулся в больнице, он не произнес ни слова. Ки Вун оставался с ним все это время, помогая ему выписаться и навещая его, когда он отсиживался в своей комнате. И все же Донг Ин не произнес ни единого слова, несмотря на все попытки Ки Вуна утешить его. Он даже не узнал бы о переводе Донг Ина, если бы один из учителей не сказал ему об этом первым.

-Донг Ин, я действительно не знаю, что там произошло, поэтому не знаю, что тебе сказать, - нерешительно начал Ки Вун, - но, как я уже говорил, я на твоей стороне. Что бы тебя ни беспокоило, ты можешь поговорить со мной об этом. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе

Донг Ин закончил укладывать вещи задолго до речи Ки Вуна, но все еще бродил по комнате, боясь последствий, если перестанет двигаться. Он знал, что в тот момент, когда он остановится, ему придется встретиться с Ки Вуном и поговорить с ним, и это пугало его. Сейчас ему не хотелось ни с кем разговаривать. Даже перевод был одобрен только после того, как он поговорил с председателем, дав ему понять, как отчаянно он хочет выбраться отсюда.

- Мне страшно. Я не могу здесь оставаться. Я здесь умру, - повторял он снова и снова. Наверное, в двадцатый раз председатель наконец согласился.

-Донг Ин, - снова позвал Ки Вун, - просто поговори со мной. Я не понимаю, как такой отъезд может тебе помочь. Если в тебя что-то беспокоит или есть реальная проблема, ты должен ее решить. Это единственный способ двигаться дальше. Ты просто убегаешь. Это ничем тебе не поможет.

Услышав умоляющий тон Ки Вуна, Донг Ин наконец повернулся к нему. Он ясно видел, как сильно старается старший мальчик, и ему было не по себе. Кроме того, это будет его

последний шанс поговорить с Ки Вуном. Он расскажет ему все.

- Я не могу.... Я не могу здесь оставаться. Я умру, если сделаю это.

Для Ки Вуна это не имело никакого смысла, и он хотел только попросить дальнейших объяснений, но не мог заставить себя ничего сказать. Лицо Донг Ина побледнело. Он был явно напуган до такой степени, что сам Ки Вун чувствовал себя в опасности.

-Это... Это был просто несчастный случай. Донг Ин, никто не причинит тебе вреда, - наконец сказал Ки Вун.

- Нет. Он пытался убить меня. Это он сделал.

- Кто это сделал?

-...

Хотя Донг Ин ничего не сказал, Ки Вун уже знал ответ на свой вопрос. Проблема была в том, что это была нелепая идея. Мальчик все еще был первоклассником и жертвой насилия Донг Ина, как в институте, так и на вершине горы. У него не было оружия, и он не был достаточно силен физически, чтобы даже угрожать Донг Ину. Даже сейчас мальчик не проявлял никаких признаков агрессии. И все же Ки Вун помнил выражение глаз мальчика, когда тот спросил, почему насилие-это неправильно. Что - то было не так тогда (разве люди обычно должны объяснять такие вещи?), и это было не так даже сейчас, когда он думал об этом, но нет. Этого не может быть. Конечно, он ошибся. Может быть, людям действительно приходится объяснять такие вещи детям. В конце концов, понятия морали и этики должны были быть изучены с течением времени, и, учитывая возраст мальчика, это было обязанностью как государственных, так и частных учебных заведений учить таким вещам, наряду с понятием закона, культуры, общества и правил.

-Донг Ин...- Ки Вун вздохнул.

Донг Ин испытал опасное для жизни состояние, которое, должно быть, вызвало серьезную психологическую травму. Вот почему он теперь был параноиком, у него были иллюзии, что люди хотят его убить. Это было ясно по тому, как он тряс ногой и крутил пальцами.

-Он пытался убить меня,- пробормотал он.

Возможно, он даже испытывал галлюцинации, как зрительные, так и слуховые. Губы Донг Ина непрерывно дрожали, и он жевал их снова и снова.

- Я не сделал ничего плохого. То, что случилось с Соми, не было моей виной. Я ничего не сделал.

Действительно, он бредил и теперь, казалось, проявлял признаки комплекса жертвы. Это почти всегда приводило к потере социальных навыков, что приводило к еще большим проблемам. Донг Ин продолжал что-то бормотать себе под нос, и Ки Вуну пришлось отвернуться. Его глаза защипало от слез.

Затем, Ки Вун покинул комнату Донг Ина. Он не смог утешить его, и теперь Донг Ин ушел.

В тот день, когда Донг Ин ушел, Ки Вун стоял у окна и смотрел ему вслед. Подойдя к воротам, он увидел, как Донг Ин обернулся, и на мгновение задумался, не помахать ли ему рукой. Он решил этого не делать. Грудь Ки Вуна сжалась, когда нахлынули старые воспоминания.

Вещи в доме Ки Вуна никогда не держались долго, всегда заканчивались сломанными или сколотыми или в мусоре из-за его матери. Она бросала все, что попадалось под руку. Каждый раз, когда отец Ки Вуна возвращался с работы, она убегала от него, крича во все горло, что он собирается убить ее. Она часто поступала так и с Ки Вуном, хотя чаще пыталась убить его, чем убежать. По ночам отец всегда приводил Ки Вуна в свою комнату, чтобы они могли спать вместе. Дверь будет плотно заперта, и им придется терпеть бесконечные крики и удары ногой всю ночь.

В один прекрасный день, мать Ки Вуна поймала его. Он не помнил, как и почему, но кое-что помнил.

-Прости, - прошептала она, и слезы потекли по ее лицу.

Затем появился его отец, освобождая его из ее объятий. Снаружи завывали сирены, и Ки Вуна отвезли в больницу, а затем в Институт Агнесс.

По сей день Ки Вун не совсем понимал, что произошло и чем все закончилось, но он понимал, что и его мать, и его отец умерли. Он узнал об этом только потому, что один из преподавателей института повел его к ним в склеп. Он также узнал, насколько ужасной может быть шизофрения, и именно поэтому он решил пойти в медицинскую школу. И не потому, что он хотел найти лекарство от этой болезни. Он не был настолько вдумчивым или бескорыстным, чтобы принять такое решение, основанное только на альтруизме. Нет, он решил поступить в медицинскую школу, потому что это был единственный способ по-настоящему защитить себя.

- Видите ли, шизофрения может быть генетической.

На самом деле он боялся стать похожим на свою мать.

Был еще один человек, наблюдавший за уходом Донг Ина, и, как и Ки Вун, он тоже был погружен в свои мысли. Все было ясно, и ему было о чем подумать. Инцидент с Донг Ином заставил его задуматься о многих вещах, таких как то, как иметь дело с кем-то, кто был откровенно враждебен ему, его взгляд на мир и на человеческие отношения, и его чрезмерная самоуверенность и, как следствие, контроль над силой магии. Но независимо от таких тем,

когда он смотрел, как уходит Донг Ин, его переполняли две главные эмоции.

Ненависть.

Его ненависть была связана с тем, что он чувствовал, наблюдая за Соми, которая также стала жертвой враждебности Донг Ина. Люцид, наконец, по-настоящему понял, что она, должно быть, чувствовала, ее печаль и тоску. Все это было так несправедливо. И как только он понял это, он понял, насколько обидными были слова и действия Донг Ина, такими эгоистичными и невнимательными, какими они были, и он невзлюбил его. Он действительно ненавидел Донг Ина.

И чувство вины.

В конце концов, Люцид поступил примерно так же. Он враждебно относился к Донг Ину, не желая его понимать. Он был невнимателен и даже пытался убить его. Действительно, он был очень близок к тому, чтобы покончить с его жизнью, зайдя так далеко, что использовал свою магию для достижения этой цели. Он заставил Донг Ина ненавидеть его так же, как он ненавидел Донг Ина.

Но этот случай не обошелся без уроков. Люцид понял, что на самом деле он не думал о том, чтобы заботиться о мыслях или чувствах других людей, и потому, что он не заботился, он также не пытался понять других, и он был невнимателен к ним. Он вспомнил идиому, которую вычитал в одной из своих книг. "Прежде чем судить человека, пройди милю в его ботинках."

Поскольку он не был внимателен к Донг Ину, он тоже был невнимателен к нему. Потому что он не пытался понять Донг Ина, он тоже не понимал его. Если бы он попытался понять Донг Ина, был бы Донг Ин более понимающим?

На этот вопрос, подумал Люцид, Ки Вун уже ответил. В конце концов, людям нужно было общаться. Им нужно было поговорить, понять чувства друг друга и быть более вдумчивыми.

Люцид не мог не вздохнуть. В конце концов, ему пришлось испытать все на себе, чтобы понять глубину слов Ки Вуна. Сколько бы он ни читал, ни запоминал, ни думал о вещах, пока он по-настоящему не пытался понять их смысл, он просто заполнял свою голову пустыми пустяками. Даже наука должна была быть доказана с помощью экспериментов и испытаний. В конце концов, без понимания и опыта его голова была не чем иным, как большим-большим мусорным баком теорий и идей.

-Кто я - жертва или злодей? - спросил он себя. Он даже не мог понять, сколько времени ему потребуется, чтобы ответить на этот вопрос. Он отвернулся от окна, и Донг Ин покинул институт.

Зима в том году была особенно холодной, до такой степени, что трубопроводы замерзли и лопнули по всему городу Инпен. Это было исправлено достаточно легко (в конце концов, это

был 21-й век), и ремонтники восстановили трубопроводы менее чем за день. Тем не менее, люди находили, на что жаловаться, и несколько часов неудобств были идеальной темой для обсуждения. Вскоре газеты заполнились статьями о бесчисленных семьях, которые пережили столько неприятностей из-за труб, и город дал официальный ответ в ответ. Они увеличат фонды социального обеспечения, чтобы граждане, особенно в более сельских районах города, больше не испытывали неудобств от подобных инцидентов.

Институт также не был защищен от холода, и все деревья и цветы, которые когда-то украшали территорию, теперь сморщились и съезжились, ожидая тепла весны, чтобы снова оттаять. Но дети, казалось, совершенно не пострадали и, как обычно, выбежали на улицу поиграть. В конце концов, зима не может помешать детям расти.

Люцид тоже рос и взрослел. Он пошел к Юн Чжон и умолял ее снова отвести его в библиотеку, и он начал бегать по институту с Мен Су. Точнее, Мен Су сновал по институту, пока Люцид убирал за ним, но тем не менее проводил больше времени со своим другом. Он также стал больше разговаривать с Ки Вуном, и старший мальчик делал все, что мог, чтобы помочь Люциду с обучением, от предоставления ему книг до обсуждения вещей и обучения его новым концепциям.

Что касается Ки Вуна, то он не мог не удивиться молодому парню. До него доходили слухи о его гениальности, но он все еще был всего лишь первоклассником. И все же он был здесь, решая математику средней школы, как ничто. Слышать о вундеркинде - это одно, но видеть его вблизи - совсем другое. Но даже у этого гения были проблемы с пониманием некоторых теорий, и видя, как он борется над некоторыми проблемами, Люцид казался просто обычным учеником начальной школы.

В самом деле, даже если Люцид и читал много книг, пять-шесть лет все равно были большим сроком, чтобы наверстать упущенное. В то время дети учились через общение со средствами массовой информации и обществом, а также учились в школе и семьях. Этот вид опыта привел к лучшему пониманию предложений и слов, так как он позволил детям взглянуть на вещи в перспективе и понять контекст. Это, вдобавок к тому, что большинство книг, которые читал Люцид, были из библиотеки начальной школы, сильно ограничивало его обучение.

Тем не менее, Ки Вун знал, что через несколько лет Люцид придет к полному пониманию всей школьной программы средней школы. Он был более чем достаточно одарен, чтобы совершить такое.

Это были не единственные изменения, которые Люцид внес в свою повседневную жизнь. Точно так же, как он сделал, когда впервые прибыл в этот мир, он вернулся к чтению всего, что мог достать, не заботясь об их темах. Это было потому, что он понял, что слишком сосредоточенный на одном предмете, он стал предвзятым и узколобым. Ему нужно было бы больше читать о большем количестве вещей, чтобы расширить свои знания и получить более широкий взгляд на мир, и в конечном итоге больше интересоваться своими собственными убеждениями.

Он также начал активно играть в футбол с другими детьми в институте. Конечно, здесь не было

никакой магии (что в этом было забавного?), так как он был хорош в этом даже без нее.

Дети также чувствовали себя более привязанными к Люциду. Раньше он чувствовал себя совершенно чужим, всегда сидел один в углу и читал. Возможно, прозвище “гипсовое лицо” казалось таким подходящим не только из-за его внешности, но и из-за его склонности быть настолько далеким от всех, что все, что они могли сделать, это наблюдать за ним издалека. Однако теперь он действительно чувствовал себя другом.

- Гипсовое лицо! Пойдем поедим!

Хотя, конечно, это не меняло того факта, что они все еще называли его так.

- Иду! Хен, пошли!

Чхоль Ен ухмыльнулся, когда Люцид окликнул его, и вытер пот.

- Уже иду!

- Эй, я тоже иду! -крикнул Мен Су с другого конца поля.

- Ну конечно же! - крикнул в ответ Люцид. - Зачем мне оставлять тебя здесь?

Мен Су бросился к Люциду, пробегая через двор, как щенок с поводка.

TEALOTUS [dzhoni_chan]

<http://tl.rulate.ru/book/47507/1331921>